

Прошла минута перезарядки, и Цзян Хань, повалившись на землю, начал харкать кровью.

— Гу Сюй, через полминуты ты покинешь это задание. Прошу, скажи свои последние слова!

Ло Шугуй чувствовал, как в этот миг изменился весь мир. Он поспешно принялся передавать свою внутреннюю энергию, пытаясь нейтрализовать губительную мощь удара, засевшую в теле противника.

— Бесполезно. Живи достойно, будь хорошим главой Союза боевых искусств, хорошо относись к... Гоуданю, сделай так, чтобы он вырос здоровым...

Закончив, он глубоко закрыл глаза.

Ло Шугуй был охвачен невыразимым горем!

Мужчина в алых одеждах вышел из тени и со сложным выражением лица наблюдал за всем происходящим...

Глава 14. Легендарная некрасивая побочная история

Глава 14

История о Цзян Хане

Цзян Хань впервые встретил главу Ло в один из майских вечеров.

В тот вечер моросил мелкий дождь, и он, как обычно, коротал время в беседах с Чу Мо, одетым в светло-зеленые одежды. Они болтали о пустяках.

Цзян Хань был искренне благодарен Чу Мо: тот хоть и выкупил его, но никогда не принуждал к близости и не пытался унижить.

Когда пришел глава Ло, они с Чу Мо как раз увлеклись разговором. Чу Мо улыбался, только что пригубив чашу вина.

Глава Ло, по правде говоря, не был ослепительно красив — по крайней мере, в глазах Цзян Ханя, который видел немало людей.

Но именно этот человек, когда злился, выглядел особенно привлекательно.

Когда он смотрел на него, его брови сходились на переносице, а в глазах читалась

недоброжелательность.

Стоило ему пристально взглянуть — и Цзян Хань словно падал в ледяное озеро, захлебываясь от нахлынувшего удушья, а в холодных глазах главы читалось явное предупреждение.

Цзян Хань вздрогнул, его безупречная улыбка на мгновение застыла.

Он почувствовал от него самую настоящую угрозу.

Но стоило главе Ло перевести взгляд на Чу Мо, как вся резкость исчезала, уступая место лишь беспомощности.

Цзян Хань наблюдал за этим, и в какой-то момент его сердце действительно учащенно забилося.

Ему вдруг показалось, что быть объектом такого полного беспомощности взгляда — это огромное счастье.

В этом борделе он не был самым выдающимся, да и внешностью обладал самой обычной — красивцев здесь хватало.

И то, что в этом заведении его почитали и не давали на растерзание тысячам мужчин, объяснялось не только его особенностью — он был гермафродитом, — но и тем, что он умел вести себя с умом.

Глупцы никогда не живут долго и счастливо...

Из-за его двойственной природы хозяйка борделя редко заставляла его принимать клиентов.

Во всем заведении было всего пять гермафродитов, которых хозяйка специально разыскивала за огромные деньги.

Дядя нынешнего императора по материнской линии обожал гермафродитов: он любил мужчин, вид женщин вызывал у него отвращение, но ему требовались наследники.

Хозяйка, зная о пристрастиях вельможи, специально искала их, чтобы угодить ему.

Тот был жесток: трое, которых отправили к нему, вскоре после рождения детей были замучены до смерти.

Изначально Цзян Ханя тоже должны были отправить к нему, но вельможа решил, что

внешность Цзян Ханя не соответствует его вкусам, и отложил его на потом.

Именно благодаря этому он дождался своего выкупа главой Ло...

— Я не знаю, что вы обо мне думаете, но я благодарен вам. Я просто хочу благополучно родить этого ребенка.

— Только этот один раз. После этого, даже если вы убьете меня одним ударом, умоляю, не причиняйте вреда моему ребенку. Я хочу только этого ребенка. Даже если я понимаю, что моя просьба совершенно нелепа.

Осталось лишь смирение. Цзян Хань помнил только одно: он хотел спасти этого ребенка.

Он поднял голову. Ледяной взгляд Ло Шугуя больно пронзил его. Он вцепился рукой в ткань на колене Ло Шугуя.

Если отпустит — шанса больше не будет.

— Ты же знаешь, я не терплю, когда кто-либо идет против моей воли. Мне жаль насчет ребенка, я не хочу, чтобы ты его рожал.

Ло Шугуй присел на корточки и положил руку на живот Цзян Ханя.

Выпуклый живот выглядел диковинно, но при прикосновении не вызывал никаких особых чувств, по крайней мере, любви в Ло Шугуе он не пробудил.

Если изначально не ждал, зачем теперь переживать?

— Это лучший исход для тебя. Я не знаю, почему ты связался с чужаками, чтобы вместе подставить меня, но я не хочу тебя убивать. Пусть будет так.

— Я правда этого не делал! Поверьте мне!

Побочная история Ло Шугуя

Полуторагодовалый Ло Юньхань уже умел ходить и говорить, каждый раз мягко лепеча: — Папа... Папа...

Хотя выходило невнятно, Ло Шугуй каждый раз отзывался, подавляя внутреннюю пустоту. Перед ребенком он всегда оставался ответственным отцом.

Когда приходил Чу Мо, он приносил то, что нравилось Юньханю, а Ло Шугуй сидел в стороне и смотрел, как они играют.

Иногда Ло Шугуй думал: как было бы хорошо, если бы Цзян Хань не умер, если бы он видел, как ребенок растет...

Могила Цзян Ханя находилась прямо в поместье Ло. Он не хотел, чтобы тот был далеко.

Ему было достаточно того, что душа Цзян Ханя не покидает поместье.

На рассвете и в сумерках он приходил посмотреть на надгробие, представлял, каково это — чувствовать присутствие Цзян Ханя рядом, позволял ветру дурманить себя, а потом продолжал жить дальше.

— Гоудань, я сделаю так, чтобы он был счастлив. Когда он вырастет, я приду к тебе. Жизнь кажется такой бесконечной, словно затянувшаяся шутка.

— Раньше ты был рядом, а теперь я могу лишь сидеть здесь и думать о тебе.

Разоблачив Цюй Цзина, он вернул себе место главы Союза боевых искусств, но, сидя на этом посту, он больше не чувствовал ничего...

Глава 15. Давайте плакать!!!!!!

Мои прекрасные и красивые малыши, это ваш Великий! Сегодня, когда я написал новую главу и собирался выложить её, случилась трагедия.

Мой телефон упал в воду! Когда я принес его в ремонт, мастер сказал: — Я сделал всё, что мог, но телефон не спасти. Покупай новый!

Внутри меня вмиг сгустился туман...

Наверное, такова жизнь. Папочка Великого, узнав об этом, сказал: — Я вышлю тебе телефон, жди.

Вот какой у меня папа! Это просто трогательно!!!!!!

Поэтому главы, которую я собирался выпустить сегодня, не будет. Я пишу это с чужого устройства. Надеюсь, вы понимаете, что я просто занят, но никогда не забываю о вас. Хороший день испорчен, пожалейте нас минутку.

## Глава 16. Монастырь, монах и дух одеяла

— Гу Сюй, в этот раз у тебя триста тридцать пять баллов. Хочешь что-нибудь выбрать?

Каждый раз, когда Люлюлю возвращался в пространство, он принимал важный вид, и никто не знал, на чем он настаивает.

— Дай мне лекарство для сохранения плода и две печати для защиты от любых повреждений.

Гу Сюй озвучил свои требования и стал ждать, пока Система сделает выбор.

— Всего сто баллов. Гу Сюй, должен сказать, задание в этот раз очень простое, выбирать особо нечего. Это человек с тысячелетней благодатью, его уже заочно выбрала Фея Цзывэй. В этот раз он случайно погиб, и его желание — позаботиться о духе одеяла и ребенке во чреве. Разве не просто?

Гу Сюй кивнул, ничего не ответив.

Дух одеяла!?

Что это за странный вид существ?

Спустя долгое время Гу Сюй тяжело кивнул и сказал: — Пошли сейчас.

Аромат благовоний окутывал ноздри. Деревянный молоточек методично ударял по гонгу, издавая глубокие, мерные звуки, которые сливались с песнопениями монахов. Торжественная атмосфера наполнила пространство.

Гу Сюй, держа в руках гонг, медленно открыл глаза.

Монахи в одинаковых светло-зеленых одеждах стояли прямо, сложив руки на груди: — Все существа привязаны к ложным образам и цепляются за них, поэтому это называется ложными мыслями...

Настоятель, облаченный в высшие буддийские одежды, вел монахов к постижению высшего состояния, очищая себя от всех желаний.

Это было ежедневное утреннее чтение — способ через молитву напомнить себе о необходимости соблюдать обеты. Настоятель скользнул взглядом в сторону Гу Сюя, и тот немедленно возобновил удары по гонгу.

Напротив Гу Сюя стоял еще один человек, тоже держащий молоточек.

Когда утреннее чтение завершилось, настоятель, как и ожидал Гу Сюй, задержал его.

— Юаньмань, почему ты сегодня во время чтения...

— Настоятель, у меня возник вопрос, поэтому я проявил неуважение в главном зале.

Гу Сюй решил действовать на опережение. Тело, в котором он возродился, принадлежало тому самому человеку с тысячелетней благодатью.

А душа прежнего владельца уже отправилась к Фее Цзывэй постигать великое Дао.

Монастырю Болинь было уже шестьдесят лет. Хоть он и уступал другим великим обителям, здесь было очень красиво. Весь монастырь был спроектирован так, чтобы стереть границы между внутренним и внешним пространством.

Залы, окна, павильоны и галереи были открыты с боков, создавая эффект гибкости, что было глубоко связано с концепцией единства человека и неба.

Стоило взглянуть — и возникало ощущение, что небо и земля существуют вместе с тобой, а все сущее — одно целое.

Монастырь сливался с окружающим пейзажем, это было невыразимо красиво, разливая вокруг атмосферу покоя и умиротворения.

— О чем же ты хотел спросить? — поинтересовался настоятель.

— Люди молятся Будде, чтобы успокоить сердце. Но разве не глупо возлагать надежды на Будду, зная, что это лишь способ утешения? И если есть столько вещей, которые невозможно изменить, зачем продолжать цепляться за прошлое и не смотреть вперед?

Юаньмань смотрел на настоятеля с легким недоумением, в его глазах читалось жгучее желание узнать ответ.

Настоятель с добротой посмотрел на него: — Пройден долгий путь, встречено много людей, пережито много событий, и всегда хочется прикрыть их чем-то другим. Даже самый эрудированный человек имеет печали, о которых не расскажет. Тонуть в прошлом и не смотреть вперед — это и неправильно, и правильно одновременно. Все зависит от того, как ты сам это взвешиваешь. Людям нужна надежда, понимаешь?

— В следующий раз так не делай. Если повторится, перепишешь Сутру о созерцании Будды Амитаюса десять раз.

Настоятель произнес это мягко, но тоном, не терпящим возражений.

Когда он вышел из зала, к нему подбежал маленький послушник с метлой почти в его рост. Обнажив два клыка, он улыбнулся так сладко, что это было даже чересчур.

Послушник посмотрел на Юаньманя влажными глазами и с воодушевлением сказал: — Брат Юаньмань, твое одеяло снова появилось на том большом дереве. Опять будешь снимать, как в прошлый раз? Давай помогу!

Говорят, одеяло брата Юаньманя пахнет лучше всех, он хотел бы его понюхать!

Юаньмань посмотрел туда, куда указывал послушник, и увидел серое одеяло, зацепившееся за ветку.

Наступила осень, листья опадали каждый день, и как раз в этот момент несколько листков упали вниз.

Юаньмань не мог вымолвить ни слова, глядя на одеяло и вспоминая слова Люлюлю.

Позаботиться о духе одеяла!!

Он молчал долгое время, а затем ответил: — Спасибо, младший брат, я справлюсь сам.

Послушник надул губы, собираясь что-то сказать, но увидел, как его старший брат привычно полез на дерево и снял одеяло.

Одеяло мягко легло Юаньманю на плечи. Он погладил его — ничем не отличается от обычного.

Юаньмань был белокожим, хороший образ жизни сделал его кожу безупречной, пальцы — гладкими, а лицо — приятным и округлым.

Сейчас, нахмутив брови, он выглядел очень мило, отчего безликое одеяло, казалось, обмякло еще сильнее.

Оно что, стало тяжелее?

Юаньмань подумал об этом, но промолчал и понес одеяло в свою келью.

Серое одеяло — ну совсем никакой индивидуальности!!!!

## Глава 17. Монастырь, монах и дух одеяла

Наступил час змеи (девять утра), паломников стало больше.

В курильницах вился дым, благовония разного размера тихо догорали.

Земля, освещенная солнцем, казалась такой чистой, словно здесь не было места суете.

— Верующая Лю Линлэ, прошу Будду о защите.

Лю Линлэ выпрямила спину, опустила взгляд и сложила ладони. Помолившись от всего сердца, она медленно поклонилась, коснувшись ладонью коврика для молитв, и опустилась на колени.

Очистив сердце от тревог и безмолвно вверив свои надежды Будде, она благоговейно поднялась.

Она была в скромном платье, за ней следовала служанка — простая и достойная.

Монах, отвечающий за прием гостей в монастыре, называется чжикэ.

Если приходили чиновники, знатные гости или уважаемые наставники, их встречали чаем, докладывали настоятелю, а затем провожали на встречу.

Если гость был обычным человеком, его принимали в приемной.

Чжикэ, взирая на Лю Линлэ ясным взглядом, сказал: — Благодетельница Линлэ, если есть сомнения, вытяните жребий. Юаньмань, принеси предсказания.

Юаньмань работал чжикэ всего несколько дней, и хотя работы прибавилось, он многому научился.

Если так пойдет и дальше, то через десять месяцев он сам станет чжикэ.

Слушая каждый день различные жизненные мудрости, Юаньмань был счастлив, впитывая разные точки зрения.

Он протянул жребий Линлэ и стал ждать.

— Хорошо.

Лю Линлэ вытянула палочку. Увидев иероглиф счастья, а под ним слова о браке, она внезапно почувствовала облегчение.

Служанка рядом радостно прошептала: — Госпожа, не волнуйтесь, сам Будда хранит вас, не бойтесь.

Лю Линлэ на мгновение улыбнулась и посмотрела на чжикэ.

— Учитель, что вы скажете о моей судьбе?

— Судьба благодетельницы в этой жизни весьма неплоха, потомки будут радовать, а супруг — достойный человек. Однако вам нужно сохранять чистоту сердца. В двадцать пять лет вас ждет перемена, если преодолеете — всё будет хорошо. Это не большая проблема, перетерпите — и пройдет.

— Этого достаточно, спасибо, учитель.

Поблагодарив, Линлэ оставила пожертвование и ушла со служанкой.

— Учитель, ваше объяснение было таким сухим, — тихо сказал Юаньмань, убирая жребий и глядя на тридцатипятилетнего мужчину.

— Я чувствую, что можно было сказать лучше. Ваши слова звучат как...

— Как что?

— Слишком шаблонно.

— Юаньмань, ты еще слишком молод. Жребий — это воля богов, хорошо или плохо — не имеет значения. Ты видел лицо той верующей? Это значит, что она получила то, на что надеялась. Нельзя возлагать надежды на людей, но нужно быть полным надежды, — сказал чжикэ.

— Верующие возлагают на нас свои надежды, а мы должны их оправдать и помочь — в этом наш долг как чжикэ.

Чжикэ перебирал четки.

— Будда учит нас, что мир таков, каков он есть. Если бы он не был грязным и полным зла, как бы люди стремились к освобождению от страданий? Мы олицетворяем надежду, которую

дарим другим, понимаешь?

Юаньмань сжал руки в рукавах.

— Да, именно так, — улыбнулся чжикэ. Настоятель не ошибся, выбрав этого ребенка.

В этот момент в дверях появился изящный юноша. Его серо-карие глаза напоминали надежду в тумане — яркую и тяжелую одновременно.

С неясным чувством он ровным голосом обратился к Юаньманю: — Послушник Юаньмань, мне нужно сказать тебе кое-что. Это секрет, выйди, пожалуйста.

Глядя на юношу, Юаньмань услышал внутри себя голос, который словно говорил: перед ним тот самый дух одеяла.

Это было самое удивительное задание за все миры Гу Сюя.

Кто сказал, что после основания государства животным нельзя становиться духами? Это всего лишь одеяло, как оно стало духом, обрело душу, научилось принимать человеческий облик и не боится солнца?

Кто-нибудь может объяснить, почему?

Люлюлю наблюдал за юношей. У него не было тела, и никто его не видел, поэтому он просто смотрел.

Система и Гу Сюй были связаны. Если Гу Сюй хотел чем-то поделиться, он чувствовал это без слов. И наоборот.

Увидев внутренние метания Гу Сюя, Система полистала невидимые книги и сказала: — Э-э, его сейчас зовут Хлопок. Дух одеяла — значит, сделан из хлопка. Монастырь не может позволить себе шелк. Это мелочи. Ты знаешь, что личность Юаньманя особенная — человек с тысячелетней благодатью.

— Капля крови Юаньманя, попав на одеяло, наделила его силой. А этот хлопок тоже особенный, подробностей я не знаю, такова воля Небес. Не зацкливайся, просто заботься о нем, у него, возможно, не всё в порядке с головой.

Не всё в порядке? Юаньмань нахмурился.

Значит, если кровь Юаньманя попадет на одежду, она тоже станет духом? От этой мысли

Юаньманю стало не по себе, и он с подозрением покосился на свою одежду.

Люлюлю: — Вряд ли. Даже кровь человека с такой судьбой не сделает вещи духами. Не волнуйся. Просто этот Хлопок особенный. Хочешь знать подробности — спроси сам!

— Запомни: первое — каждый день расправляй одеяло, нельзя складывать. Второе — нельзя стирать, по крайней мере, в ближайшие месяцы, но можно сушить на солнце. Третье — тебе нужно больше питаться. Четвертое — я буду присматривать за тобой. Не смей отказываться, это плата.

Юноша, не терпящим возражений тоном, сунул деньги в руки Юаньманю: — У тебя есть четыре возможности в месяц выходить за подаванием. Используй это, чтобы поправить здоровье. Я буду ходить с тобой.

Просто идиот!

Любой, кто это увидит, решит, что этот парень болен — такой у него был торжественный взгляд.

Затем юноша слегка протянул руку, но тут же отдернул её: — Не волнуйся, я не буду мешать твоей ночной жизни.

Любит тепло, свет, засухоустойчив, боится сырости.

Это повадки Хлопка. Как только исчезает солнце, он превращается в одеяло. Хоть и может двигаться, но человеческий облик поддерживать не в силах.

Юаньмань наконец понял, почему Люлюлю сказал, что у Хлопка не всё в порядке с головой.

Или, вернее, из-за того, что он — хлопок, он выражает свои желания способами, которые обычный человек не поймет.

Но, по крайней мере, он знает, что такие вещи не стоит говорить на людях, верно? Стоит ли ему радоваться?

Глава 18. Монастырь, монах и дух одеяла

— Уважаемый... благодетель, Юаньмань чем-то вас обидел?

<http://bllate.org/book/22156/2307885>